Разгром восточно-прусской группировки противника значительно ослабил силы вермахта, ухудшил его оперативно-стратегическое положение на советско-германском фронте. Флот Германии лишился важных военно-морских баз и портов.

...Ликвидация мощной группировки отборных войск противника позволила высвободить значительное количество частей и соединений Красной Армии для их участия в завершающих боях по разгрому фашистской Германии. С этого времени началась переброска наших Вооруженных Сил на Дальний Восток для проведения Маньчжурской операции.

Маршал Василевский принимал непосредственное участие в разработке и координации многих важнейших стратегических операций на советско-германском фронте. Но в качестве командующего фронтом выступал впервые, неся непосредственную ответственность за проведение важной стратегической операции в Восточной Пруссии, которая по своему значению далеко выходила за рамки 3-го Белорусского фронта. В ходе ее проведения он мастерски осуществил перегруппировку частей и соединений, тщательно подготовил и усилил их мобильность, организовал взаимодействие всех родов войск, последовательно провел ликвидацию крупных группировок противника, дробя и уничтожая их по частям, и, наконец, по-суворовски, скоротечно и блестяще осуществил взятие Кенигсберга. Это наглядно и убедительно свидетельствовало о его выдающемся таланте полководца.

В.А. Афанасьев

Главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке

В мае 1945 г. отгремели победные залпы завершающих операций войны с фашистской Германией. 24 июня во время исторического Парада Победы маршал А.М. Василевский провел по Красной площади сводный полк 3-го Белорусского фронта. Но Александра Михайловича впереди ждала еще одна война, еще одно испытание его полководческого мастерства. Ему предстояло возглавить советские войска на Дальнем Востоке, где готовилась широкомасштабная операция по разгрому Квантунской армии Японии. Проведение этой операции обуславливалось необходимостью ликвидации угрозы вторжения японских войск в пределы нашей Родины*, освобождения исконно русских территорий, утерянных в ходе войны 1904–1905 гг., а также выполнения взятых перед союзниками обязательств.

* Ставка Верховного Главнокомандования, учитывая реальную опасность со стороны империалистической Японии, в течение почти всей войны была вынуждена держать на Дальнем Востоке значительное количество сил и средств: от 32 до 59 расчетных дивизий сухопутных войск, от 10 до 29 авиационных дивизий и до 6 дивизий и 4 бригад войск ПВО общей численностью свыше 1 млн солдат и офицеров, 8–16 тыс. орудий и минометов, свыше 2 тыс. танков и САУ, от 3 до 4 тыс. боевых самолетов и более 100 боевых кораблей основных классов. В общей сложности это составляло в разные периоды войны от 15 до 30% боевых сил и средств Советских Вооруженных Сил (История Второй мировой войны. Т. 11. М.: Воениздат, 1980. С. 183).

Не один год США и Англия боролись на тихоокеанском театре с восточным союзником фашистской Германии, но к лету 1945 г. союзники не располагали в бассейне Тихого океана реальными силами, способными сломить сопротивление Японии.

Исходя из разведывательных данных и опыта по захвату островов на Тихом океане, американский комитет начальников штабов определял потери союзников в планируемых десантных операциях примерно в 1 млн человек и пришел к выводу, что война может продлиться до конца 1946 г. или даже позднее.

О том, что советское руководство дало союзникам принципиальное согласие помочь в войне против Японии, А.М. Василевский был осведомлен еще в конце 1943 г., когда советская делегация во главе с И.В. Сталиным возвратилась с Тегеранской конференции. А летом 1944 г., после окончания Белорусской операции, Верховный Главнокомандующий сказал маршалу, что командовать нашими войсками на Дальнем Востоке в войне с Японией придется именно ему [11]. В это время в Генеральном штабе вчерне уже были сделаны первоначальные расчеты сосредоточения наших войск в Приморье, Приамурье и Забайкалье и материальных ресурсов, необходимых для войны с Японией.

После Ялтинской конференции великих держав, в ходе которой было подписано соглашение, предусматривавшее, что Советский Союз вступит в войну против Японии через два-три месяца после капитуляции Германии, подготовка к войне с Японией в Ставке ВГК и особенно в Генеральном штабе заметно активизировалась. Многое делали в этом плане А.И. Антонов, С.М. Штеменко, Н.А. Ломов. Александр Михайлович тогда по указанию Ставки сконцентрировал все внимание на разгроме войск основного противника – фашистской Германии в Прибалтике, а затем в Восточной Пруссии и в этой работе активного участия принять не мог.

«Как только закончилась Восточно-Прусская операция, – вспоминал позднее А.М. Василевский, – я был отозван Ставкой с 3-го Белорусского фронта по должности заместителя народного комиссара обороны. 27 апреля я включился в работу над планом войны с Японией» [12]. Работа эта была исключительно сложной.

Во-первых, дальневосточный театр военных действий, охватывающий Маньчжурию, Внутреннюю Монголию и Северную Корею, по площади, протяженности границы и рельефу местности резко отличался от европейского театра. Площадь его превышала 1,5 млн кв. км. Территория только Маньчжурии, где размещалась Квантунская армия, составлявшая основу военной мощи Японии, равнялась площади фашистской Германии, Италии и Японии, вместе взятых.

Протяженность государственной границы Советского Союза и Монгольской Народной Республики с Маньчжоу-Го и Кореей, являвшейся рубежом развертывания советских войск, составляла более 5 тыс. км, что намного превышало протяженность всех европейских фронтов (советско-германского, западного и итальянского) в начале 1945 г.

Во-вторых, подсчеты, проведенные в Генеральном штабе, показали, что военно-политические цели в борьбе с Японией могут быть достигнуты лишь при наличии на дальневосточном театре военных действий трех мощных наступательных группировок и значительного превосходства над противником в живой

силе и технике. Для этого следовало резко усилить боевой и численный состав дальневосточных соединений.

Предстояло создать новый фронт вооруженной борьбы на новом театре военных действий, причем решить такие важные проблемы, как обеспечение скрытности перегруппировки и сосредоточения войск на соответствующих стратегических направлениях, прикрытие их развертывания, управление войсками, их всестороннее материально-техническое обеспечение.

При этом нужно было учитывать, что Дальний Восток соединяется с центральной частью Советского Союза единственной Транссибирской железнодорожной магистралью.

И, наконец, приходилось считаться с особенностями природно-климатических условий нового для А.М. Василевского (тем более что до этого он в этом регионе страны не бывал) театра военных действий, которые были исключительно сложными. Основной географический объект театра военных действий на континенте – Маньчжурская равнина, окруженная хребтом Большой Хинган и плоскогорьем Барга на западе и юго-западе, хребтами Ильхури-Алинь и Малый Хинган на севере и северо-востоке, а также Восточно-Маньчжурской горной системой на востоке. Таким образом, горные хребты прикрывают густонаселенную Маньчжурскую равнину с ее промышленными, сельскохозяйственными и административными центрами. С севера и северо-востока район защищают крупные реки Аргунь, Амур и Уссури.

Характер территории Внутренней Монголии совершенно иной. Это безводная полупустыня или песчаная степь, частично всхолмленная и гористая, необжитая и почти лишенная дорог. Полоса горно-лесистой местности и пустыни, окаймляющая Маньчжурию с запада, севера и востока, слабо населена и почти не имеет удобных дорог.

От Забайкалья и восточной части МНР до предгорий Большого Хингана местность доступна для всех родов войск. Однако резко пересеченные гористые районы на западе, а также встречающиеся песчаные барханы и солончаки сильно затрудняли, а местами совершенно исключали движение транспорта. Рек здесь нет, озер мало, а вода в них, как правило, горько-соленая. Вся эта обширная территория заселена редко, а местные ресурсы весьма ограниченны.

Центральную часть забайкальского направления пересекает Большой Хинган – 250–400-километровая полоса гор, простирающаяся на 1300 км к юго-западу от Амура. Вместе с Западно-Пекинскими горами Большой Хинган отделяет Маньчжурскую равнину от Монгольского плоскогорья и образует естественную преграду на пути из МНР в Маньчжурию и Северный Китай.

На приамурском направлении путь войскам преграждал полноводный и весьма широкий Амур. А за рекой возвышались крутые и каменистые горы Малого Хингана, покрытые лесом и изобилующие болотами и топями. Перевалив через хребет, войска оказывались в заболоченных на десятки километров долинах рек Сунгари и Нуньцзян.

Со стороны советского Приморья наступательные действия могли развиваться только по совершенно разобщенным направлениям. Этот район Маньчжурии и северной части Кореи представляет собой 300-километровую полосу покрытых

тайгой гор, входящих в главный Корейский хребет и пересеченных грунтовыми и железными дорогами. Выход войск в центральные районы с этого направления был сопряжен с преодолением 400–500-километровой полосы параллельно расположенных хребтов, составляющих Восточно-Маньчжурские горы. Здесь, в непосредственной близости к границам СССР, противник создал сплошной пояс долговременных железобетонных сооружений. Маршал Советского Союза К.А. Мерецков так характеризовал этот район: «...возьмите некоторые укрепления линии Маннергейма, добавьте к ним карельские леса (только погуще), бездорожье Заполярья, болота Новгородской области и восточный климат, и вы получите район к западу от озера Ханка» [13].

Поверхность Южного Сахалина большей частью покрыта горами высотой 300–1600 м. Они узкими хребтами тянутся почти вдоль всего острова. Наиболее доступной для действий войск являлась долина рек Тим и Поронай, которая выходила в район Найро и далее вдоль железной дороги к Тойохара. Вдоль западного и восточного побережий острова протянулись железные и шоссейные дороги, обеспечивавшие противнику маневр силами и средствами.

От южной оконечности Камчатки почти на 1200 км на юго-запад до острова Хоккайдо простирается Курильская гряда, состоящая из 36 островов вулканического происхождения, отделенных один от другого проливами. Разрозненность островов и сложный рельеф местности на них затрудняли действия десантов при овладении этими островами. Курильская гряда – это естественный раздел между Охотским морем и Тихим океаном. Острова использовались японцами для агрессивных действий против СССР. Первый и Второй Курильские проливы, через которые проходил путь из советского Приморья в Петропавловск-Камчатский, находились под полным контролем японцев.

Таким образом, особенности района боевых действий, способствующие организации прочной обороны, в то же время сильно ограничивали и затрудняли ведение наступления.

Японское командование держало в Маньчжурии и Корее отборные императорские дивизии, значительное количество танков и артиллерии. Основу сосредоточенной здесь крупной стратегической группировки японских и марионеточных войск составляла Квантунская армия, которую возглавлял опытный японский генерал Отодзо Ямада. Это объединение сухопутных войск включало два фронта (1-й – генерала С. Кита и 3-й – генерала Д. Усироку) и две отдельные армии (4-ю – генерала У. Микио и 34-ю – генерала К. Сэнити) (24 пехотные дивизии, 9 смешанных бригад, 2 танковые бригады и бригада смертников), 2-ю воздушную армию и Сунгарийскую военную флотилию. Авиационная группировка в Маньчжурии и Корее включала 2-ю и 5-ю воздушные армии, которые насчитывали до 2 тыс. самолетов. Командованию Квантунской армии подчинялись также войска марионеточного государства Маньчжоу-Го и японского ставленника во Внутренней Монголии князя Дэвана.

На Южном Сахалине и Курильских островах были сосредоточены войска 5-го фронта генерала К. Хигути (3 пехотные дивизии, отдельная смешанная бригада, отдельные пехотный и танковый полки).

В Корее размещались войска 17-го фронта генерала И. Кодзуки (7 пехотных дивизий и 2 смешанные бригады).

Сосредоточенная у советских границ японская группировка вместе с марионеточными войсками местных правителей насчитывала свыше 1 млн человек, имела 1215 танков, 6640 орудий и минометов, 26 кораблей и 1907 боевых самолетов [14].

Учитывая особенности театра военных действий и огромную протяженность государственной границы Маньчжурии с Советским Союзом и МНР, японское командование расположило главные силы Квантунской армии на Центральной Маньчжурской равнине в районах основных узлов дорог, оставив в укреплениях вдоль границы Маньчжурии и Внутренней Монголии около одной трети сил. Эти войска должны были изматывать наступающие советские войска и задерживать их продвижение в глубь Маньчжурии. Главные же силы Квантунской армии предназначались к нанесению контрударов на любом из направлений. Японское командование надеялось задержать наступление советских войск и путем контрударов заставить их перейти к обороне. После этого Квантунская армия, пополненная стратегическими резервами, должна была перейти в контрнаступление.

К лету 1945 г. на территории Маньчжурии и Внутренней Монголии у границ с Советским Союзом и Монгольской Народной Республики японцы построили 17 укрепленных районов, которые прикрывали все наиболее важные направления в глубь страны. Общая протяженность полосы укреплений, в которой насчитывалось свыше 4500 долговременных сооружений, составляла около 800 км.

Во всех укрепленных районах были построены долговременные огневые сооружения, состоявшие из артиллерийских и пулеметных долговременных огневых точек, бронеколпаков, бронированных наблюдательных пунктов, деревоземляных огневых точек, противотанковых рвов, стрелковых окопов и проволочных заграждений. Помещения для личного состава, хранения боеприпасов и продовольствия, электростанции, система водоснабжения и вентиляционные устройства находились глубоко под землей. Развитая сеть подземных ходов сообщения соединяла все сооружения в единый комплекс. Все сооружения были хорошо замаскированы под окружающую местность, а также прикрыты естественными и искусственными препятствиями. Населенные пункты, расположенные в зоне укрепленных районов, были обнесены сплошной каменно-глинобитной стеной и рвами. Подступы к мостам и тоннелям защищались каменными башнями с амбразурами для кругового обстрела.

Укрепленные районы являлись главной полосой обороны Квантунской армии. Вторая и третья полосы обороны были подготовлены лишь на приморско-маньчжурском направлении. Вторая полоса проходила по рекам Мулинхэ и Тумыньцзян, а третья – по рубежу реки Муданьцзян и далее по линии Ванцин, Тумынь. Обе эти полосы обороны были оборудованы не полностью.

Для обороны Северной Кореи японское командование строило оборонительную полосу по рекам Ялуцзян и Тумыньцзян. Все порты на восточном побережье Северной Кореи – Юки, Расин, Сейсин и Гензан – были укреплены.

К лету 1945 г. в Маньчжурии и Корее было построено 20 авиабаз, 133 аэродрома, более 200 посадочных площадок – всего не менее 400 аэродромных точек с оперативной емкостью свыше 6 тыс. самолетов [15].

Японское командование рассчитывало, что только прорыв приграничной полосы долговременных укреплений займет у советских войск не меньше месяца, два месяца уйдет у них на то, чтобы продвинуться до рубежа Байчэн, Цицикар, Бэйань, Цзямусы, Муданьцзян. Еще три месяца им потребуется, чтобы подтянуть тылы и подготовиться к операциям. На захват советскими войсками остальной части Маньчжурии и Внутренней Монголии японцы отводили примерно полгода. За это время японское командование рассчитывало перегруппировать силы для контрнаступления и при благоприятном развитии событий вторгнуться на территорию СССР, добиться почетных условий мира.

Таким образом, сохранив основные силы, Япония готовилась к упорной обороне, рассчитывая на затяжную войну.

Маньчжурия и Корея давали в общеимперском балансе 50% угля и железной руды, 55% синтетического горючего. В 1945 г. корейцы, китайцы и военнопленные составляли 36% всех рабочих на японских предприятиях.

Не случайно, что Япония в своих планах особое внимание уделяла удержанию Маньчжурии и Кореи. Как пишут японские авторы, «часть военщины даже настаивала на том, чтобы в случае оккупации метрополии бежать вместе с императором на материк и здесь продолжать сопротивление силами Квантунской армии и экспедиционной армии в Китае». «В Маньчжурии мы будем сопротивляться хоть сто лет, – заявил военный министр Японии Тодзио» [16].

Японское правительство не теряло надежды на возможное возникновение разногласий между союзными державами и на более или менее благоприятные условия мира. Руководствуясь этим, японское командование намеревалось на длительное время задержать наступление советских войск, выиграть войну «любой ценой». В этих целях весной и летом 1945 г. на территории Японии, Кореи и в Маньчжоу-Го проводилась всеобщая мобилизация.

В общем, перед маршалом Василевским стояла исключительно сложная, беспрецедентная по масштабам задача. В предельно сжатые сроки предстояло выполнить колоссальный объем работ по подготовке небывалой по масштабам стратегической наступательной операции на сложнейшем театре военных действий.

Первоначально он работал в Москве. Принимал участие в планировании операции, занимался подбором кадров, способных успешно решать стоящие перед нашими войсками задачи, организовывал переброску на Дальний Восток необходимых сил и средств.

По указанию Верховного Главнокомандующего в это время усиливались штабы и высший командный состав Забайкальского и Дальневосточного фронтов и Приморской группы. Туда направлялись опытные, закаленные в боях с гитлеровской Германией кадры. Командующим Дальневосточным фронтом оставался опытный генерал М.А. Пуркаев. Он до 1943 г. получил богатый боевой опыт, успешно руководя штабом фронта, командуя армией, фронтом. Кроме того, командуя с апреля 1943 г. Дальневосточным фронтом, он успел хорошо изучить особенности этого края.

Командующим Приморской группой был назначен Маршал Советского Союза К.А. Мерецков, который в годы войны приобрел богатый опыт проведения операций в сложных условиях лесисто-болотистой местности и прорыва

укрепленных районов противника и к тому же знал дальневосточный театр по довоенной службе.

На главном, забайкальском, направлении по предложению А.М. Василевского командующим фронтом стал Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский, имевший опыт маневренных действий и преодоления горных хребтов в Европе. Начальником штаба к нему, также по рекомендации А.М. Василевского, назначался один из наиболее опытных начальников фронтовых управлений, генерал армии М.В. Захаров.

На Дальний Восток направлялись такие опытные военачальники, как генералы А.А. Лучинский, И.И. Людников, И.М. Манагаров, А.Г. Кравченко, И.А. Плиев, А.П. Белобородов, Н.И. Крылов, И.М. Чистяков, Н.Д. Захватаев и другие генералы и офицеры, имевшие немалый опыт руководства войсками в боях с германской армией. Командармы, командиры корпусов и дивизий подбирались с учетом их опыта в прорыве обороны, в действиях в оперативной глубине и т.д. Для усиления войск Дальнего Востока с западных фронтов было направлено 10 тыс. офицеров.

План предстоящей операции был определен с учетом характера театра военных действий. «План, – по свидетельству А.М. Василевского, – заключался в одновременном нанесении со стороны Забайкалья, Приморья и Приамурья главных и ряда вспомогательных ударов по сходящимся к центру Северо-Восточного Китая направлениям с целью рассечения и разгрома по частям основных сил японской Квантунской армии». Предполагалось основные удары нанести с территории МНР на восток и из советского Приморья на запад, рассечь главную группировку войск Квантунской армии, окружить и последовательно уничтожить ее по частям в Северной и Центральной Маньчжурии, овладеть важнейшими военно-политическими центрами Шэньяном, Чанчунем, Харбином, Гирином.

В ходе разработки плана операции был рассмотрен ряд вариантов и найден наиболее выгодный. Выбор направлений ударов наших войск был обусловлен не только принятой формой ведения стратегической операции, но и своеобразной конфигурацией государственной границы, характером группировки японских войск и системы их обороны.

Удар со стороны Забайкалья, с территории Монгольской Народной Республики, предполагалось нанести основными силами Забайкальского фронта в общем направлении на Чанчунь, Шэньян. Этим ударом войска обходили с юга Хайларский и Халун-Аршанский укрепленные районы, рассекая 3-й фронт Квантунской армии. Советским войскам предстояло преодолеть безводную пустынную степь, а также труднодоступный горный хребет Большой Хинган.

Со стороны Приморья, из района южнее озера Ханка, в направлении на Гирин планировался удар войск Приморской группы. Войска Приморской группы кратчайшим путем выходили на соединение с главной ударной группировкой Забайкальского фронта. Наступавшим предстояло прорвать полосу укрепленных районов, что было полностью учтено командованием.

Избранные направления главных ударов позволяли советским войскам в короткие сроки лишить Квантунскую армию сообщений с метрополией и ближайшими крупными группировками в Северном Китае и Южной Корее, что способствовало ее полному окружению.

Развернутый в Приамурье Дальневосточный фронт наступлением на сунгарийском и жаохэйском направлениях должен был сковать противостоящие силы противника и этим обеспечить успешное выполнение задач войсками, наносившими удары из Забайкалья и из Приморья.

В ходе операции предполагалось, во-первых, быстро разгромить японские войска прикрытия, преодолеть труднодоступную полосу местности, вывести силы трех взаимодействующих фронтов на рубеж, удобный для развития наступления непосредственно на жизненно важные районы противника; во-вторых, разгромить резервы Квантунской армии и вывести основные силы наступавших фронтов в центральную часть Маньчжурии, что в последующем должно было привести стратегическую группировку противника к поражению.

В мае, июне и в первые дни июля Александр Михайлович напряженно работал в Генеральном штабе над планом Дальневосточной кампании. Уточнялись детали, шел активный поиск путей решения поставленной задачи. К 27 июня в Генеральном штабе были отработаны директивы для фронтов, которые на следующий день, 28 июня, Ставка ВГК утвердила.

Однако для того чтобы планы стали реальностью, необходимо было значительно усилить группировку советских войск на Дальнем Востоке. Имевшихся там сил для разгрома довольно сильной Квантунской армии оказалось явно недостаточно. Необходима была беспрецедентная по своим масштабам стратегическая перегруппировка сил и средств с западного театра военных действий на Дальний Восток. В решении этой сложнейшей задачи принял самое активное участие Александр Михайлович Василевский.

«Пришлось много поработать над планом перевозок, который по своим вырисовавшимся показателям был поистине грандиозным, – вспоминал он впоследствии. – Предстояло осуществить эти перевозки по однопутной железнодорожной магистрали в крайне сжатые сроки и на огромные расстояния – от 9 тыс. до 12 тыс. км. В этом отношении они не имели себе равных в истории Второй мировой войны и являлись поучительной стратегической операцией» [17].

В апреле на Дальний Восток прибыло резервное фронтовое управление бывшего Карельского фронта. До 9 мая из резерва Ставки были отправлены два укрепленных района полевого типа. С 9 по 31 мая туда прибыли полевое управление 5-й армии, три управления стрелковых корпусов с четырьмя стрелковыми дивизиями.

В качестве источника стратегического развертывания на Дальнем Востоке использовались войска четырех фронтов, завершивших боевые действия на советско-германском фронте. Основную массу перегруппированных войск составили войска 3-го Белорусского фронта: управления 5-й и 39-й общевойсковых армий, 6 управлений стрелковых корпусов, 18 стрелковых и 2 зенитно-артиллерийские дивизии, 8 артиллерийских и 2 бригады реактивной артиллерии, или 60% количества соединений сухопутных войск, прибывших на Дальний Восток. Остальные силы были отправлены из состава 2-го Украинского, Ленинградского, 1-го Белорусского фронтов и резерва Ставки ВГК.

На Дальний Восток посылались такие соединения и объединения, которые могли успешно решать наступательные задачи в конкретных условиях этого

театра военных действий. Определение целесообразности использования того или иного соединения зависело от опыта и боевых качеств, накопленных в сражениях на советско-германском фронте. Так, соединения и части 5-й и 39-й армий, участвовавшие в прорыве укрепленных оборонительных полос в Восточной Пруссии, предназначались для прорыва на главных направлениях приграничных укрепленных районов. Соединения 6-й гвардейской танковой и 53-й общевойсковой армий, имевшие большой опыт действий в горно-степной местности, были включены в состав Забайкальского фронта для наступления на широких пустынных просторах и в горно-лесистых массивах.

Всего в период стратегического развертывания с запада на Дальний Восток было переброшено 403 355 человек личного состава, 7137 орудий и минометов, 2119 танков и САУ, 17 374 грузовых автомобиля, 1482 трактора и тягача, 36 280 лошадей [18].

Весьма значительными были и межфронтовые перевозки, осуществлявшиеся всеми видами транспорта.

В общей сложности в весенне-летние месяцы 1945 г. на путях сообщения Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока находилось до миллиона советских солдат и офицеров, десятки тысяч артиллерийских орудий, танков, автомашин и многие тысячи тонн боеприпасов, горючего, продовольствия, обмундирования и других грузов.

Перегруппировка столь значительных сил и средств в сжатые сроки и на огромные расстояния потребовала тщательной ее организации. Заблаговременно были приняты меры для надежного прикрытия путей сообщения, районов сосредоточения и развертывания войск от возможных ударов японских войск. Для обеспечения скрытности массовых железнодорожных перевозок ограничивался допуск лиц к их планированию; никто, даже офицеры штабов, не знали, куда и с какой целью перебрасывались войска; запрещалось ведение переписки и переговоров, связанных с передислокацией войск; станции выгрузки и обслуживания эшелонов нумеровались; боевая техника на железнодорожных платформах камуфлировалась; войска выгружались, как правило, ночью, после чего немедленно выводились в район сосредоточения.

Однако при всей строгости мер по обеспечению секретности случались и эксцессы. Об одном из них упомянул в своей книге «Генеральный штаб в годы войны» С.М. Штеменко. Буквально за несколько дней до начала военных действий против Японии, вспоминал он, в редакцию газеты «Красная Звезда» поступило письмо. Его автор сообщал о том, что, будучи в компании, слышал разглагольствования одного подполковника об усиленной подготовке к войне с Японией и ближайшем выезде на Дальний Восток группы работников Генштаба во главе с маршалом Василевским. Автор письма, пересланного в Наркомат обороны, просил сделать болтуну нужное внушение: «Пусть он поймет, что интересы нашего государства нам, простым людям, дороже собственного благополучия этого молодого человека».

Подполковника, о котором сообщалось в письме, разыскали быстро. Он оказался из числа лиц, отобранных для работы в аппарате А.М. Василевского. Офицеру этому, естественно, не позволили более там работать. Сталину о случившемся не докладывали…

В результате проведенной перегруппировки к началу операции против японских вооруженных сил удалось сосредоточить 11 общевойсковых, одну танковую и 3 воздушные армии, 3 армии ПВО территории страны, флот и флотилию. Сухопутную границу СССР прикрывал 21 укрепленный район. Общая численность советской дальневосточной группировки составила 1 747 465 человек, на ее вооружении было 29 944 орудия и миномета, 5250 танков и САУ, 5171 боевой самолет, 93 надводных корабля основных классов, 78 подводных лодок и 373 катера [19].

Для успеха предстоящей операции было важно, что группировка участвующих в ней войск была тщательно продумана. Состав каждого фронта был определен с учетом особенностей того направления, в полосе которого он развертывался, и той задачи, которую он должен решать. Так, большое количество танковых и механизированных соединений было выделено Забайкальскому фронту, в состав которого были включены 6-я гвардейская танковая армия и конно-механизированная группа И.А. Плиева. Значительное количество артиллерии РВГК было направлено в Приморскую группу, которой предстояло прорывать мощные оборонительные сооружения противника, а в Приамурье, на Дальневосточный фронт, которому предстояло форсировать широкие, полноводные Амур и Уссури, были направлены понтонно-мостовые части и соединения; командующему этого фронта была оперативно подчинена речная флотилия.

Закончив основной объем работы по планированию операции, в первую очередь дела, которые легче было решить непосредственно в Москве, 5 июля с документами на имя генерал-полковника Васильева Александр Михайлович Василевский специальным поездом прибыл в Читу. Вместе с ним приехали командующий ВВС Главный маршал авиации А.А. Новиков, заместитель командующего артиллерией маршал артиллерии М.Н. Чистяков, заместитель начальника войск связи генерал-полковник Н.Д. Псурцев, заместитель начальника тыла генерал-полковник В.И. Виноградов и некоторые другие ответственные работники Наркомата обороны и Генерального штаба, которые составили костяк штаба А.М. Василевского. О своем прибытии, а также о готовности приступить к выполнению поставленной задачи в час ночи 5 июля А.М. Василевский доложил в Ставку ВГК.

Буквально в первый же день пребывания в Чите А.М. Василевскому пришлось рассмотреть множество организационных вопросов, не терпевших отлагательства. Он добился разрешения на использование для обеспечения перевозок угля из неприкосновенных государственных резервов, принял меры по ускорению темпов накопления боеприпасов, добился четкости в перевозках войск и материальных средств. В последующие дни А.М. Василевский и Р.Я. Малиновский побывали на основных операционных направлениях Забайкальского фронта, произвели совместно с командармами детальную рекогносцировку, лично проверили войска. В ходе работы на местах родились многие соображения, предопределившие блестящий успех наступательных операций фронта. Так, работая в войсках, Александр Михайлович нашел возможным на пять суток сократить сроки выполнения войсками фронта основных задач, предусмотренных директивой. Все предложенные изменения были утверждены Ставкой.

Подобная же работа была проделана в Приморье и Приамурье. При личном участии А.М. Василевского К.А. Мерецков, М.А. Пуркаев, их штабы и начальники

служб кропотливо изучали местность, противника, свои войска, уточняли плановые сроки, принимали меры к улучшению материального обеспечения боевых действий. Необходимо было все рассчитать, не допустить ошибок, с максимальной полнотой использовать громадный опыт, приобретенный за четыре года тяжелой борьбы с фашистской Германией.

О стиле работы Александра Михайловича в войсках, о его взаимоотношениях с подчиненными в определенной мере можно судить по воспоминаниям И.И. Людникова, командовавшего тогда 39-й армией. «2 августа к нам прибыл главнокомандующий войсками Дальнего Востока Маршал Советского Союза А.М. Василевский, – вспоминал генерал. – Он внимательно выслушал мой доклад, а также сообщения начальника штаба армии генерала Симиновского и других командиров. Василевский бывал в нашей армии под Витебском, в Литве, в Восточной Пруссии, и многие командиры были ему знакомы. Он умел располагать подчиненных к непринужденной беседе. И все же начальник разведки армии Волошин, вызванный на доклад, несколько оробел. Александр Михайлович заметил это:

– Чувствуйте себя увереннее и давайте спокойно потолкуем. Для меня Дальний Восток – край новый. Познакомьте меня со всеми сведениями, какими располагаете. Слушаю вас как внимательный ученик.

И скованность исчезла. Волошин очень обстоятельно доложил все данные о противнике, о маршруте нашего движения к Большому Хингану.

Прощаясь, Василевский сказал:

– После большой войны на Западе наш народ, все народы мира жаждут покоя. Надо в предельно короткий срок разгромить последнего агрессора» [20].

Своеобразие планируемой операции состояло в том, что все подготовительные мероприятия осуществлялись в условиях, когда не было официального состояния войны с Японией, что накладывало исключительные требования к обеспечению скрытности подготовки операции. В пограничной зоне соблюдался обычный режим. Рекогносцировки проводились совместно с пограничниками и в форме погранвойск. Всюду были усилены охрана и пропускной режим, чтобы не допустить проникновения японской разведки. В планировании операции участвовало строго ограниченное количество должностных лиц. Все документы исполнялись без привлечения чертежников, машинисток и другого технического персонала.

Непросто давалась организация артиллерийской подготовки. Прорыв укрепленных районов, как известно, предполагает проведение мощной артподготовки. Учитывая это, первоначально планировалось провести артиллерийскую и авиационную подготовку в течение трех суток, создав на направлении главного удара плотность до 250 орудий и минометов на километр фронта. Однако это давало японцам возможность изготовиться в глубине обороны к отражению нашего наступления. Проведение же короткой и мощной артподготовки не обеспечивало надежного огневого поражения противника. Шел мучительный поиск наиболее целесообразного решения.

Во второй половине июля А.М. Василевский вместе с К.А. Мерецковым прибыл на КП 5-й армии, чтобы еще раз рассмотреть вопрос о способе перехода в наступление. В ходе обсуждения командарм Н.И. Крылов предложил начать наступление

вообще без артподготовки, внезапно перейдя госграницу силами усиленных передовых батальонов. Главные силы до начала перехода госграницы предполагалось держать в глубине, часть артиллерии выдвинуть ближе к границе и иметь в готовности к открытию огня. После напряженных раздумий и анализа плюсов и минусов предложение Н.И. Крылова было принято [21]. Это было смелым, нестандартным решением, но, как показали дальнейшие события, единственно правильным.

Необходимо отметить, что при подготовке к наступлению в войсках была организована напряженная боевая подготовка, особенно тщательно готовились передовые батальоны, которым в предстоящей операции отводилась исключительно важная роль. С офицерским составом на картах и макетах местности были детально отработаны порядок скрытного выдвижения батальонов и перехода их к взаимодействию с группами пограничников, которые досконально знали местность, госграницы. В каждой дивизии были созданы учебные поля, которые воспроизводили опорные пункты японцев со всеми заграждениями, долговременными огневыми сооружениями, системой охраны и обороны. На этих полях в течение недели шли напряженные тактико-строевые занятия. Затем в течение 10–12 дней проводилось по 5–6 комплексных учений, в основном ночью, с привлечением всех сил и средств, участвующих в боевых действиях.

Боевая учеба дала свои результаты. Вот как описывал подобные учения генерал И.М. Чистяков, командовавший тогда 25-й армией: «Учения начались. Августовская ночь, как всегда, на Дальнем Востоке темная, только светлячки летают да слышно, как шелестит листва. Знаю – расстояние между мной и отрядом примерно 1000 метров. Я и командиры, приехавшие со мной, сидим на поваленном дереве и со всем вниманием слушаем, не раздастся ли с какой-либо стороны кашель, не треснет ли сучок. Но нет, ничего не слышно, полная тишина. Я начал волноваться: не ползет ли отряд в другом направлении? Может, сбился в этой темноте? Только хотел сказать адъютанту, чтобы узнал, когда вышел отряд, как вдруг скорее почувствовал, чем услышал, что за спиной у меня кто-то стоит. Обернулся. Два красноармейца:

– Товарищ генерал, а мы здесь...

Вижу, вокруг меня собираются и другие. Вот это номер!

Я поинтересовался у командира отряда: все ли пришли, все ли правильно держали направление?

Он ответил:

– Да, все. Ползла тысяча человек, все находятся здесь. У командиров отделений от фланговых воинов имелись веревочки. При помощи условных сигналов передавались приказания» [22].

При подготовке операции важно было организовать тщательное изучение противника. Однако необходимость строгого соблюдения пограничного режима лишала возможности использовать такие средства и способы разведки, как артиллерийская инструментальная разведка, аэрофотографирование в глубине территории противника и, что особенно важно, боевая разведка. По существу, во фронтах использовались разведывательные данные центра и средства наземного визуального наблюдения.

По указанию А.М. Василевского была организована широкая сеть радиоперехвата. С целью детального изучения оборонительных сооружений противника

проводилось фотографирование приграничной полосы с самолетов без нарушения границы Маньчжурии и Кореи. Аэрофотографирование дало возможность уточнить укрепления японцев в глубине обороны. В результате к началу операции все офицеры, до командиров рот включительно, получили карты с нанесенными оборонительными сооружениями японцев.

Колоссальных усилий инженерных войск потребовала подготовка форсирования крупных водных преград. Трудность преодоления таких рек, как Амур, Аргунь и Уссури, состояла не только в большой ширине и глубине этих рек, но и в заболоченности их широких долин. Ввиду большой ширины рек для переправы планировалось использовать не только табельные средства, но и суда Амурского пароходства, корабли Краснознаменной военной флотилии. Из местных материалов было заготовлено множество плотов, паромов и других переправочных средств.

Исключительно широкие полосы наступления, большая удаленность друг от друга пунктов управления, высокие планируемые темпы наступления, частая смена в ходе наступления командных пунктов, бездорожье существенно осложнили организацию связи, особенно проводной. Основной должна была стать радиосвязь, но и она, как показала практика, в условиях Дальнего Востока (особенно в горах) не всегда работала устойчиво. Важную роль в этом случае должны были сыграть выделяемые из состава первого эшелона штабов (фронтов, армий, корпусов) оперативные группы, которые в течение всей операции должны были содействовать четкости и непрерывности управления.

Одной из сложнейших задач подготовки Маньчжурской операции являлись организация и подготовка фронтовых и армейских тылов, накопление материальных средств. И тылы фронтов справились с поставленными задачами, обеспечили войска всем необходимым к предстоящим боевым действиям.

В общем, в вопросах подготовки операции «генерал-полковнику Васильеву», генералам и офицерам его оперативной группы пришлось преодолеть большие трудности. Александр Михайлович вместе с офицерами своей оперативной группы неоднократно выезжал в расположение фронтов, где знакомился на местности с исходным положением войск, распределением сил и средств, тщательно определял боевой порядок войск, отрабатывал на картах последовательность форсирования рек, прорыв укрепленных районов, преодоление безводных, горных и лесных участков в полосах наступления фронтов, артиллерийскую подготовку и использование военно-воздушных сил. Особое внимание обращалось на наращивание темпов наступления, обеспечение войск и выработку планов фронтовых операций. После обсуждений с командующим зачастую вносились необходимые изменения в ранее принятые планы. Все это делалось для того, чтобы сократить сроки выполнения боевых задач, провести стратегическую операцию без паузы и разгромить Квантунскую армию в ходе одной многофронтовой операции.

«Здесь, на Дальнем Востоке, как и на протяжении всей войны, – отмечал А.П. Белобородов, – ярко проявились отличительные черты маршала А.М. Василевского: собранность в работе, высокая требовательность с душевностью и исключительной отзывчивостью, партийная принципиальность. Готовясь к предстоящим боям, можно было видеть, с какой тщательностью главком руководил учениями войск, которые, охраняя в годы войны дальневосточные рубежи Роди-

ны, не имели необходимого боевого опыта. Александр Михайлович... встречался и душевно беседовал с солдатами, сержантами и младшими офицерами, которым предстояло вести в атаку роты и батальоны. Он тут же отдавал распоряжения относительно улучшения снабжения войск всем необходимым».

Александр Михайлович работал с исключительным напряжением, постоянно ощущая тяжкий груз ответственности за успех всей кампании, который лежал на его плечах. При этом он регулярно информировал Верховного Главнокомандующего о ходе подготовки к боевым действиям. Так, 16 июля, накануне Потсдамской конференции, И.В. Сталин поинтересовался, нельзя ли дней на десять ускорить начало операции. Однако, в связи с тем что сосредоточение войск и обеспечение их всем необходимым для проведения операции по объективным причинам раньше запланированного времени не представлялось возможным, сроки начала операции были оставлены без изменения.

30 июля 1945 г. приказом Ставки ВГК Маршал Советского Союза Василевский был официально назначен главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке с подчинением ему с 1 августа Забайкальского, Дальневосточного фронтов, Приморской группы войск и Тихоокеанского флота.

По предложению А.М. Василевского приказом Ставки ВГК от 2 августа с 5 августа Приморская группа войск была переименована в 1-й Дальневосточный фронт. Дальневосточный фронт стал теперь называться 2-м Дальневосточным фронтом. Тогда же был образован штаб Главного командования советских войск на Дальнем Востоке во главе с генерал-полковником С.П. Ивановым.

Штаб был сформирован из так называемой оперативной группы Васильева. В него вошли генералы и офицеры, прибывшие с Василевским, а также группа офицеров Генштаба, работавшая на Дальнем Востоке под руководством генерал-майора Н.Ф. Мензелинцева. Командование военно-воздушными силами сосредоточилось в опытных руках Главного маршала авиации А.А. Новикова, а в штабе Главного командования имелась лишь небольшая ячейка управления во главе с генерал-лейтенантом Е.М. Белицким. Инженерную службу возглавлял генерал-полковник К.С. Назаров. Войсками связи управлял генерал-полковник Н.Д. Псурцев. При главкоме имелись также ответственные представители от всех центральных управлений, ведавших материально-техническим обеспечением. Эту группу, в составе 52 человек, возглавлял заместитель начальника тыла Вооруженных Сил генерал-полковник В.И. Виноградов. Для координации действий военно-морских сил с сухопутными войсками, по просьбе А.М. Василевского, на Дальний Восток был направлен нарком ВМФ Адмирал флота Н.Г. Кузнецов.

3 августа маршал Василевский подробно доложил Верховному Главнокомандующему, только что прибывшему с Потсдамской конференции, о ходе подготовки к операции. Она, несмотря на все трудности, близилась к завершению. На Забайкальском фронте армии И.И. Людникова и И.М. Манагарова выходили в районы сосредоточения, удаленные всего лишь на 50–60 км от государственной границы МНР с Маньчжурией. Вместе с 6-й гвардейской танковой армией генерала А.Г. Кравченко и другими войсками фронта они были готовы начать военные действия с утра 5 августа. Другие наши ударные группировки тоже находились в районах сосредоточения или вблизи них.

Директивой Ставки ВГК от 7 августа войскам Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов и Тихоокеанскому флоту было предписано боевые действия начать 9 августа. При этом войска Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов должны были перейти границу с Маньчжурией одновременно, время перехода границы войсками генерала М.А. Пуркаева было поручено определить А.М. Василевскому.

Войскам Дальнего Востока и Тихоокеанского флота была поставлена задача оккупировать территорию всей Маньчжурии, Внутренней Монголии, Ляодунского полуострова с портами Дайрен и Порт-Артур, Кореи до 38-й параллели, южной половины о. Сахалин, половины о. Хоккайдо севернее линии, идущей от города Кусиро до города Румои, и полностью всех Курильских островов. В соответствии с этой директивой главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке отдал соответствующие распоряжения командующим фронтами и командующему Тихоокеанским флотом.

8 августа на всем Дальнем Востоке приказом маршала Василевского было объявлено военное положение.

В это время японское командование, хотя и имело детально разработанный план отражения возможного наступления советских войск и нанесения сильных контрударов с целью восстановления положения, полагало, что Советская Армия сможет выступить только в начале зимы или весной 1946 г. Это было ярким свидетельством хорошо организованной штабом Василевского оперативной маскировки советских войск. Штаб Квантунской армии в конце июля – начале августа 1945 г. приступил к перегруппировке японских войск в пограничных районах как раз в то время, когда советские войска уже выдвигались в исходное положение для наступления. Это позволило советским войскам нанести удары на всех операционных направлениях именно в тот момент, когда часть японских дивизий находилась в движении.

В 23 часа 8 августа 1945 г. японскому послу было передано заявление советского правительства, в котором говорилось, что в связи с отказом Японии прекратить военные действия против США, Великобритании и Китая Советский Союз с 9 августа считает себя в состоянии войны с ней*.

В этот день в Приамурье и Приморье шли непрерывные дожди. Уровень рек поднялся на 4 метра. Небольшие горные реки и ручьи, превратившись в бурные потоки, затопили долины. В такую погоду действия авиации совершенно исключались, а артиллерии – значительно ограничивались. Японское командование никак не рассчитывало, что советские войска решатся в таких условиях на прорыв мощной полосы долговременных оборонительных сооружений. Между тем передовые и разведывательные отряды фронтов по приказу А.М. Василевского, находившегося в штабе 1-го Дальневосточного фронта, в ночь на 9 августа, в кромешной тьме, под ливнем пересекли государственную границу и устремились на территорию противника.

В течение ночи части и подразделения советских войск овладели многими приграничными опорными пунктами врага, чем обеспечили успешные действия

* 10 августа 1945 г. войну Японии объявила Монгольская Народная Республика.

главных сил. Одновременно 76 бомбардировщиков нанесли удары по военным объектам в Чанчуне и Харбине. С утра 9 августа главные силы авиации фронтов начали наносить частые удары по железнодорожным узлам, станциям, аэродромам, колоннам войск противника в районах Харбина, Гирина, Шэньяна, Чанчуня, Хайлара. В результате действий советской авиации на многих дорогах движение было парализовано, что имело важное значение для срыва сообщений между основными японскими группировками в Маньчжурии и Северном Китае. С рассветом 9 августа главные силы Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов перешли в наступление и на широком фронте пересекли государственную границу. С целью достижения внезапности артиллерийская и авиационная подготовка атаки не проводилась.

Прорвав приграничные укрепленные районы, соединения Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов разгромили японские войска прикрытия и вступили на территорию Маньчжурии одновременно с востока и запада. В то же время войска 2-го Дальневосточного фронта во взаимодействии с Краснознаменной Амурской военной флотилией начали форсирование Амура и Уссури. Тихоокеанский флот в это время ставил минные заграждения, а его авиация и соединения торпедных катеров нанесли удары по кораблям, судам и другим объектам в портах Северной Кореи. Таким образом, уже в первый день военных действий японские войска были атакованы на суше, с воздуха и моря на всем протяжении границы с Маньчжоу-Го и на побережье Северной Кореи.

Все это позволило А.М. Василевскому уже в 9 часов 40 минут (по забайкальскому времени) 9 августа доложить И.В. Сталину об успешном начале операции, отметив, что удар наших войск для противника оказался неожиданным.

Боевые действия на Забайкальском фронте начались мощным броском передовых отрядов, которые представляли собой сильные, хорошо вооруженные и оснащенные техникой соединения. Главный удар на хингано-мукденском направлении (на Шэньян) наносили 17, 39 и 53-я общевойсковые и 6-я гвардейская танковая армии. Действия главных сил на правом крыле фронта обеспечивала конно-механизированная группа советско-монгольских войск генерала И.А. Плиева, на левом, в направлении на Хайлар, – 36-я армия.

Уже к вечеру войска 17-й армии на чифынском направлении продвинулись главными силами на 50 км, а передовыми частями – на 70 км. 39-я армия, обойдя с юга Халун-Аршанский укрепленный район, прошла 60 км. 53-я армия, составляя второй эшелон фронта, готовилась вступить в сражение в полосе между 17-й и 39-й армиями. 6-я гвардейская танковая армия, развивая наступление на Чанчунь, продвинулась на 150 км. Ее передовые части к исходу дня находились на подступах к перевалам Большого Хингана. Успешно действовали также конно-механизированная группа генерала Плиева и 36-я армия.

Японская ставка, ошеломленная внезапными ударами советских войск, поспешно отводила войска в глубь Маньчжурии. Командование Квантунской армии решило оказать сопротивление на рубеже железных дорог Тумынь – Чанчунь и Чанчунь – Дальний, намереваясь отвести 3-ю и 5-ю армии 1-го фронта на линию железной дороги Тумынь – Чанчунь, а 3-й фронт – в район железной дороги Чанчунь – Дальний. 4-я армия должна была постепенно отойти через Харбин в район Гирина, чтобы занять рубеж обороны между войсками 1-го и 3-го фронтов.

Однако соединения Забайкальского фронта на всех операционных направлениях продвигались к жизненно важным центрам Маньчжурии настолько быстро, что поставили под угрозу планы японского командования.

10 августа войска Забайкальского фронта, пройдя 300-километровое полупустынное пространство, вышли к подножию Большого Хингана, а на следующий день танковые части фронта уже преодолели Большой Хинган и достигли Центрально-Маньчжурской равнины.

За первые пять суток операции 6-я гвардейская танковая армия прошла более 450 км и выполнила поставленную задачу на сутки раньше установленного срока. Преодолев хребет Большой Хинган, армия спустилась на Маньчжурскую равнину и оказалась в глубоком тылу Квантунской армии. При этом действия 12-й воздушной армии лишили японское командование возможности подтянуть резервы и занять перевалы через Большой Хинган.

Стремительное продвижение за танковыми войсками общевойсковых соединений позволило командованию фронта после преодоления Большого Хингана развернуть наступление в пределы Маньчжурской равнины по другим направлениям. Наступление советских войск в условиях равнины продолжалось высокими темпами.

К 14 августа передовыми отрядами подвижных соединений фронта были заняты Таоань, Тунляо и Таотань. Войска правого крыла фронта к этому времени завершили переход через пустыню, преодолели южные отроги Большого Хингана и передовыми частями овладели городами Линьси и Дабаньшан, затем ворвались в Чжанбэй и Долоннор.

За шесть дней наступления войска Забайкальского фронта продвинулись на 250–400 км, вышли на Маньчжурскую равнину, в глубокий тыл японских войск, создав реальные возможности для окружения и разгрома основных сил Квантунской армии, развернули наступление в направлении важнейших военно-политических и промышленных городов Маньчжоу-Го.

На Приморском направлении войска 1-го Дальневосточного фронта также действовали успешно. Уже к 12 августа они захватили города Мулин, Мишань, а к 14 августа, овладев мощными укрепленными районами, углубились на 120–150 км в Маньчжурию, вышли к рубежу Линькоу, Муданьцзян, завязав бои на внутреннем обводе обороны этих городов.

Японскому командованию не удалось обескровить, как оно планировало, советские войска на харбино-гиринском направлении, задержать их в укрепленных районах и труднодоступных горах и болотах Восточной Маньчжурии. Не смогло оно и вывести из-под удара основные свои силы. Как и на хингано-мукденском направлении, советские соединения рассекли японские группировки. Противник понес большие потери, особенно на муданьцзянском направлении. Только одна 5-я японская армия потеряла убитыми и ранеными более 50% личного состава и почти всю артиллерию.

Пытаясь любыми средствами сдержать натиск советских войск, противник все шире применял отряды смертников и подразделения диверсантов. Но эти действия не могли изменить положения. Так, когда части 1-го Дальневосточного фронта наступали на город Муданьцзян, против них одновременно было направ-

лено в качестве живого минного поля двести смертников, обвязанных минами и толовыми шашками. Скрываясь в густом гаоляне, они выскакивали на дороги и бросались под наши танки и автомашины.

В целом за 9–14 августа 1-й Дальневосточный фронт добился решающих успехов. Были созданы благоприятные условия для наступления на Харбин, Гирин и Чанчунь. Одновременно на своем левом крыле войска фронта во взаимодействии с десантными отрядами Тихоокеанского флота овладели маневренной базой японского флота – портом Юки, затем портом Ресин. Вслед за этим 14 августа флот произвел высадку десантов в порту Сейсин. Метод последовательной высадки десантов в портах Северной Кореи, примененный нашим флотом, обеспечил ему непрерывное и тесное взаимодействие с войсками 1-го Дальневосточного фронта, чем были ускорены занятие северных корейских баз японского флота и полная изоляция основных сил Квантунской армии от Кореи.

Таким образом, за шесть дней наступления войска 1-го Дальневосточного фронта продвинулись в глубь Маньчжурии до 150 км, отрезали Квантунскую армию от Кореи и развернули преследование непосредственно на выходах в Центральную Маньчжурскую равнину, двигаясь навстречу соединениям Забайкальского фронта.

В полосе 2-го Дальневосточного фронта наступление началось действиями Амурской военной флотилии против баз японской Сунгарийской флотилии. Войска фронта силами 2-й Краснознаменной армии 10 августа успешно форсировали Амур в районе Благовещенска и юго-западнее Хабаровска и на следующий день при содействии Амурской флотилии заняли город Фугдин (Фуцзинь) на реке Сунгари, а также город Сяоцзяхэ на западном берегу реки Уссури, что открыло войскам фронта путь на Цзямусы.

В тот же день, 11 августа, началась Южно-Сахалинская наступательная операция войск 16-й армии 2-го Дальневосточного фронта совместно с Северной Тихоокеанской флотилией, в ходе которой советские войска при поддержке авиации начали продвижение на юг вдоль единственной грунтовой дороги, связывающей северную и южную части острова, а торпедные катера Тихоокеанского флота высадили десант в порту Унги в Северной Корее.

13 августа войска фронта генерала М.А. Пуркаева за пять дней боев прорвали Фуцзиньский, Жаохэйский, Сахалинский укрепленные районы. В тот же день началась Сейсинская десантная операция Тихоокеанского флота, целью которой было овладение японской военно-морской базой Чхонджин на побережье Северной Кореи.

Войска 2-го Дальневосточного фронта наступали на сунгарийском – главном направлении, сахалинском и жаохэйском – вспомогательных. В результате успешного форсирования Амура и Уссури войска фронта во взаимодействии с Краснознаменной Амурской флотилией и пограничными войсками очистили за три дня все побережье Амура.

К 14 августа войска 2-го Дальневосточного фронта прорвали долговременную оборону противника в районе Хэйхэ, преодолели горный хребет Малый Хинган и передовыми частями достигли Нуньцзяна и Лунчженя – последних опорных пунктов противника на подступах к Цицикару с севера. Основная группировка

войск фронта к этому времени завязала бои за узлы сопротивления Цзямусы, Баоцин, прикрывавшие подступы к Харбину с северо-востока. Войска фронта в этот день овладели и Синьшаньчжэнским укрепленным районом. Всего с начала операции войска М.А. Пуркаева прошли 120 км и завязали бои за выходы в Центральную Маньчжурию. Несмотря на трудности, войска в тесном взаимодействии с соединениями Краснознаменной Амурской военной флотилии продвигались в среднем на 26–30 км в сутки и успешно выполнили задачи, предусмотренные планом операции.

Таким образом, в итоге шести дней операции советские и монгольские войска нанесли Квантунской армии серьезное поражение, сломили сопротивление основных сил противника на всех направлениях, раздробили их на части и изолировали одну от другой. Подчиненные А.М. Василевскому войска разгромили противника в 16 укрепленных районах и продвинулись: Забайкальский фронт – на 250–400 км (выйдя на линию Долоннор, Линьси, Таоань, Ваньемяо), 1-й Дальневосточный фронт – на 120–150 км (линия Линькоу, Мулин, Начжин) и 2-й Дальневосточный фронт – на 50–200 км (линия Хэйхэ, Хаоличжэнь, Баоцин), досрочно выполнив поставленные Ставкой задачи. Создалась угроза раздельного окружения частей Квантунской армии в районах Цицикар, Харбин, Гирин, Чанчунь, Мукден.

Японское командование, потеряв уже в первые дни управление войсками, до 15 августа не смогло организовать стойкого сопротивления ни на одном из направлений. Однако в ряде укрепленных районов и узлов сопротивления гарнизоны противника оборонялись упорно, и тогда вооруженная борьба принимала ожесточенный характер.

Нужно отметить, что боевые действия войск всех фронтов носили высокоманевренный характер и развивались по сильно разобщенным операционным направлениям. Особенно характерно это было для действий конно-механизированной группы, действовавшей в безводных степях Внутренней Монголии.

Впервые за войну правящая верхушка Японии поняла неизбежность поражения. И 14 августа кабинет министров Японии документально оформил решение о капитуляции. Вечером того же дня командование Квантунской армии получило телеграфный приказ генерального штаба с требованием уничтожить знамена, портреты императора, императорские указы и важные секретные документы. Однако приказа прекратить сопротивление не последовало. Квантунская армия продолжала оказывать сопротивление наступавшим советским войскам. Больше того, она попыталась нанести ряд контрударов.

В связи с этим 16 августа было опубликовано разъяснение нашего Генштаба о том, что сообщение, сделанное японским императором 14 августа, о готовности Японии капитулировать является лишь общей декларацией, но действительной капитуляции еще не последовало и японские войска по-прежнему продолжают сопротивление.

Начался второй этап операции, содержанием которого явились разгром основных сил Квантунской армии на Маньчжурской равнине, освобождение важнейших политических и экономических центров Маньчжурии и начало массовой капитуляции японских войск.

К этому времени советские войска, наголову разгромив эшелон японских войск прикрытия, стремительно продвигались к центральным районам Маньчжурии, окружая основную группировку Квантунской армии.

Войска Забайкальского фронта устремились к Чанчуню и Мукдену. В результате их стремительного продвижения 3-й японский фронт был расчленен на изолированные группы. Все основные пути сообщения на солуньском, хайларском и цицикарском направлениях были перехвачены соединениями Советской Армии. Японское командование, потеряв связь со многими частями, уже не в состоянии было планомерно отводить войска из-под ударов наступавших войск и организовать активное сопротивление.

В этих условиях темпы наступления приобретали решающее значение. Только в результате быстрого захвата коммуникаций противника, идущих к югу и юго-западу, можно было не допустить отхода главных сил Квантунской армии на Ляодунский полуостров и в Северный Китай, а также разгромить их.

И А.М. Василевский отдал войскам приказ ускорить наступление.

18 августа войска Забайкальского фронта завершили окружение основных сил Квантунской армии. С 15 по 19 августа они овладели Калганским и Хайларским укрепленными районами. Продвинувшись в глубь Маньчжурии на 360–600 км, к исходу 19 августа объединения и соединения фронта вышли: на правом крыле – в район Чжанбэй, Чэндэ, Чифын; в центре – в район Шэньян, Чанчунь, Кайтун; на левом крыле – в район Цицикара и изолировали Квантунскую армию от японских войск в Северном Китае. В районе Чэндэ советские войска встретились с 8-й Коммунистической армией Китая.

После 20 августа продвижение войск фронта к установленным приказом пунктам проходило уже почти без сопротивления противника. Лишь в отдельных случаях вражеские части и небольшие гарнизоны, укрывшиеся в лесах, а также отряды смертников пытались препятствовать наступлению советских войск.

Войска 1-го Дальневосточного фронта, расчленив к 16 августа 1-й фронт Квантунской армии, повернули на Харбин и Гирин. В период 15–19 августа они преодолели с боями свыше 500 км и вышли в центральные районы Маньчжурии на соединение с войсками Забайкальского фронта. Выход левого крыла фронта на рубеж Ванцин, Тумынь создавал благоприятные условия для организации совместных действий с Тихоокеанским флотом, в ходе которых войскам Квантунской армии был окончательно отрезан путь для эвакуации в Японском море.

Войска 2-го Дальневосточного фронта во взаимодействии с Амурской военной флотилией продолжали развивать успех на сунгарийском направлении. 18 августа они овладели Суньуским укрепленным районом. В тот же день началась Курильская десантная операция 2-го Дальневосточного фронта и Тихоокеанского флота. К 19 августа войска М.А. Пуркаева вышли на рубеж Лунчжэнь, Саньсин, а на следующий день заняли города Тунхэ, Мулань и др. После 20 августа, когда организованное сопротивление противника было практически сломлено на всех направлениях, войска фронта продолжали продвижение в глубь Маньчжурии, выполняя задачу выхода в назначенные районы. Необходимо отметить, что решающее влияние на развитие фронтовой операции оказала Краснознаменная Амурская военная флотилия. Располагая кораблями с сильным артиллерийским

вооружением, она с десантами стрелковых соединений действовала непрерывно в авангарде войск 2-го Дальневосточного фронта.

В результате десанта Тихоокеанского флота советские войска 16 августа овладели военно-морской базой Чхонджин. В тот же день Северная Тихоокеанская флотилия высадила десант в порт Торо на Южном Сахалине. Десантники овладели портом и окружающей территорией.

Итак, советские войска к 19 августа продвинулись в глубь Северо-Восточного Китая с запада на 400–800 км, с востока и севера – на 200–300 км, вышли на Маньчжурскую равнину, расчленили японские войска на ряд изолированных группировок и завершили их окружение. Стремительное наступление советско-монгольских войск через безводные пустыни и горы Большого Хингана, которые считались неприступными, форсирование крупных рек, преодоление укрепленных районов в лесах и болотах Северо-Восточной Маньчжурии, выход на Маньчжурскую равнину поставили японское командование перед фактом военного поражения Квантунской армии. Характерно, что, несмотря на все старания японского командования, ему так и не удалось в течение десяти дней развернуть все свои силы. Это объяснялось не только тем, что было утрачено централизованное управление войсками, но также и тем, что движение по основным дорогам Центральной Маньчжурии оказалось быстро нарушенным действиями нашей авиации и подвижных отрядов. В результате этого значительная часть японских войск была выключена из активного участия в боевых действиях.

В это время важные события происходили в Ставке А.М. Василевского.

17 августа, во второй половине дня, главнокомандующий Квантунской армией генерал О. Ямада обратился к маршалу Василевскому с предложением начать переговоры о прекращении военных действий. Одновременно генерал уведомил советское командование, что он отдал войскам Квантунской армии приказ о немедленном прекращении боевых действий и сдаче оружия. В тот же день в расположение войск 1-го Дальневосточного фронта с японского самолета было сброшено два вымпела с просьбой штаба 1-го японского фронта прекратить военные действия. Однако на практике эти заявления и распоряжения оставались декларативными. Японские войска на многих участках фронта все еще продолжали оказывать сопротивление. В плен сдавались преимущественно части армии Маньчжоу-Го.

В этих условиях А.М. Василевский 17 августа передал главнокомандующему Квантунской армией радиограмму следующего содержания: «Штаб японской Квантунской армии обратился по радио к штабу советских войск на Дальнем Востоке с предложением прекратить военные действия, причем ни слова не сказано о капитуляции японских вооруженных сил в Маньчжурии. В то же время японские войска перешли в контрнаступление на ряде участков советско-японского фронта. Предлагаю командующему Квантунской армией с 12 часов 20 августа прекратить всякие боевые действия против советских войск на всем фронте, сложить оружие и сдаться в плен. Указанный срок дается для того, чтобы штаб Квантунской армии мог довести приказ о прекращении сопротивления и сдаче в плен до всех своих войск. Как только японские войска начнут сдавать оружие, советские войска прекратят боевые действия» [23].

Утром 18 августа генерал Ямада в ответе по радио маршалу Василевскому согласился выполнить все условия капитуляции.

В тот же день на многих участках фронта японские войска стали сдаваться в плен. Однако в ряде мест, например в Хутоуском укрепленном районе, враг отверг предъявленный ультиматум, советским войскам пришлось вести боевые действия против гарнизонов отдельных укрепленных районов и отрядов, укрывшихся в горах и тайге. Ликвидация некоторых японских отрядов, отказавшихся капитулировать, велась и после подписания акта о капитуляции.

Учитывая, что на ряде участков сопротивление прекращено, Ставка ВГК приказала прекратить боевые действия на тех участках фронта, где японские войска складывают оружие и сдаются в плен. При этом Ставка потребовала «с пленными японцами обращаться хорошо», не препятствовать и содействовать китайской администрации в установлении порядка. Вечером 18 августа А.М. Василевский довел эти требования Ставки до войск.

В тот же день Александр Михайлович отдал командующим войсками Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов боевой приказ о переходе к действиям подвижными отрядами. Приказ гласил: «В связи с тем что сопротивление японцев сломлено, а тяжелое состояние дорог сильно препятствует быстрому продвижению главных сил наших войск при выполнении поставленных задач, необходимо для немедленного захвата городов Чанчунь, Мукден, Гирин и Харбин перейти к действиям специально сформированными, быстроподвижными и хорошо оснащенными отрядами. Эти же отряды или подобные им использовать и для решения последующих задач, не боясь резкого отрыва их от главных сил».

При этом Забайкальскому фронту совместно с войсками МНР была поставлена задача освободить от японских захватчиков территорию Маньчжурии и Внутренней Монголии в пределах линии от Цицикара на Чанчунь, Танхуа и далее по реке Ялуцзян (Ялу) до Корейского залива, полностью Ляодунский и Квантунский полуострова и далее до южных границ бывшей Маньчжурии и Внутренней Монголии. Для ускорения освобождения городов Чанчунь и Мукден маршалу Малиновскому было приказано выслать в эти города своих представителей с предварительным предупреждением об этом командования Квантунской армии.

1-му Дальневосточному фронту ставилась задача освободить территорию Маньчжурии к югу от линии Боли, включая Харбин, и к востоку от линии Чанчунь, Тунхуа, река Ялуцзян (Ялу) и территорию Кореи до параллели 38 градусов. Для ускорения занятия городов Гирин и Харбин маршал Мерецков также высылал своих представителей на самолетах. На войска фронта возлагалась и задача занятия северной половины острова Хоккайдо и южной части Курильских островов до острова Симусиру-То включительно.

2-му Дальневосточному фронту предписывалось занять территорию Северной Маньчжурии и освободить южную половину острова Сахалин и северную часть Курильских островов до острова Симусиру-То.

19 августа войска Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов и Тихоокеанского флота приступили к разоружению и приему капитулировавших войск Квантунской армии и окончательному освобождению Маньчжурии и Северной Кореи от японских захватчиков.

Выполняя указания А.М. Василевского, стремясь ускорить разоружение капитулировавших войск, предотвратить возможные разрушения промышленных предприятий, железнодорожных станций и других важных объектов, а также не допустить вывоза материальных ценностей, 18–27 августа в Харбине, Шэньяне, Чанчуне, Цзилине, Пхеньяне и других городах были высажены воздушные десанты. Вслед за ними туда входили подвижные отряды, которые совместно с десантниками производили прием и разоружение капитулировавших войск. В городах назначались советские коменданты и восстанавливался порядок.

С одним из десантов в Харбин прибыл заместитель начальника штаба 1-го Дальневосточного фронта генерал-майор Г.А. Шелахов. Там он встретился с начальником штаба Квантунской армии генерал-лейтенантом Х. Хата, предъявил ему условия капитуляции, а утром 19 августа доставил его и группу японских генералов и офицеров на командный пункт фронта, где их уже ждали маршалы Василевский и Мерецков. А.М. Василевский предъявил генералу Хата конкретные требования, указал сборные пункты сдачи в плен, маршруты движения к ним и время. Александр Михайлович заявил Хата, что японские войска должны сдаваться организованно, вместе со своими офицерами, что в первые дни забота о питании пленных солдат ложится на японских офицеров, и передал с ним соответствующий ультиматум главнокомандующему Квантунской армией генералу Ямада. В этот же день после переговоров с представителем советских войск генерал Ямада в Чанчуне подписал акт о капитуляции Квантунской армии.

Другой десант, возглавляемый уполномоченным Военного совета, начальником политотдела штаба Забайкальского фронта генерал-майором А.Д. Притула, 19 августа пленил на Мукденском аэродроме «императора» Маньчжоу-Го Генри Пу И.* В Мукдене десантники фактически заставили командующего 3-м японским фронтом генерала Усироку Дзюна написать приказ о капитуляции гарнизона, который к тому времени еще отдан не был, и приступили к разоружению гарнизона. Тогда же были освобождены из японского плена три тысячи военнопленных разных национальностей, в основном американцы, в том числе американский генерал Паркер, вице-маршал Великобритании Малтби, другие генералы (всего 35 человек).

В 8 часов 20 августа А.М. Василевский доложил И.В. Сталину о том, что сопротивление японских войск прекратилось и наши части приступили к плановому разоружению противника. Только за 19 августа было разоружено около 65 тыс. японо-маньчжурских солдат и офицеров. При этом он доложил о том, что на Курильских островах 19 августа продолжались упорные бои. Маршал уведомил Верховного Главнокомандующего о своей встрече с начальником штаба Кван-

---

* Он сразу же стал просить не выдавать его японцам. А затем вручил генерал-майору А.Д. Притуле послание, завершавшееся словами: «С глубоким уважением к Генералиссимусу Советского Союза Сталину я выражаю Ему искренние чувства благодарности и желаю Его Превосходительству доброго здоровья». Обстановка в городе была такова, что никто не мог ручаться за безопасность «императора» и его свиты. А потому десантники сочли за благо взять их под стражу. Доложили А.М. Василевскому. Но тот срочно отменил арест и приказал разъяснить всем, как следует обращаться с персонами такого рода (*Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1968. С. 370).

тунской армии генерал-лейтенантом Хата, который заверил Александра Михайловича в том, что все требования советского командования о порядке капитуляции японскими войсками будут немедленно и точно выполнены. Кроме того, Василевский доложил о подготовке десантной операции на остров Хоккайдо, которая планировалась после занятия южной части Сахалина, и о подготовке десантов с целью захвата портов Далянь (Дальний) и Люйшунь (Порт-Артур) [24].

Необходимо отметить, что с развертыванием боевых действий в Маньчжурии войска 2-го Дальневосточного фронта совместно с Тихоокеанским флотом проводили операции по освобождению Южного Сахалина (с 11 августа) и Курильских островов (с 18 августа). Комбинированным наступлением сухопутных и морских сил при поддержке авиации сопротивление противника на Южном Сахалине было сломлено, и 25 августа войска 16-й армии 2-го Дальневосточного фронта овладели главным городом Южного Сахалина – Тойохара и завершили Южно-Сахалинскую операцию. Основная масса японских войск, находившихся на Курильских островах, капитулировала в связи с поражением японских вооруженных сил в Маньчжурии. Остров же Сюмусю наши войска взяли с боем. «В дни, когда тихоокеанцы осуществляли эти операции, – вспоминал позднее Адмирал флота Советского Союза Н.Г. Кузнецов, – во Владивосток прилетел маршал А.М. Василевский. Он выслушал доклад командующего флотом и поторопил с завершением боевых действий. Маршал побывал на кораблях. Александр Михайлович с присущей ему теплотой беседовал с моряками. Я видел, как восторженно люди встречали этого прославленного военачальника» [25].

Наши войска активно готовились к десантной операции на остров Хоккайдо, но в первой половине дня 22 августа Сталин приказал маршалу Василевскому приостановить подготовку. Отмена десантной операции на Хоккайдо была следствием политических консультаций И.В. Сталина с президентом США Г. Трумэном и сложностей, возникших при освобождении Южного Сахалина и Курильских островов. Василевский передал приказ Верховного Главнокомандующего главкому ВМФ адмиралу Н.Г. Кузнецову и командующему Тихоокеанским флотом адмиралу И.С. Юмашеву. Десант на Хоккайдо был отменен.

Ночью 23 августа 1945 г. Москва от имени Родины салютовала войскам маршала Василевского, «освободившим Маньчжурию, Южный Сахалин и часть Курильских островов, двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий». Многие соединения и части удостоились почетных наименований Курильских, Сахалинских, Уссурийских, Харбинских, Амурских, Хинганских, Мукденских, Порт-Артурских и др. Более 300 тыс. солдат и офицеров было награждено орденами и медалями, а 92 человека удостоились звания Героя Советского Союза. Геройские звезды получили многие ближайшие сподвижники и боевые соратники А.М. Василевского: Р.Я. Малиновский, С.П. Иванов, И.И. Масленников, М.В. Захаров, А.Г. Кравченко, Н.И. Крылов, И.А. Плиев, авиатор А.А. Новиков, моряки Н.Г. Кузнецов, И.С. Юмашев, Н.В. Антонов, а маршал К.А. Мерецков был удостоен ордена «Победа».

29 августа А.М. Василевский отдал приказ об отмене с 1 сентября военного положения на советской территории Дальнего Востока. 1 сентября советские войска практически закончили разоружение войск Квантунской армии. В этот же

день генерал А.Р. Гнечко, руководивший Курильской десантной операцией, доложил, что поставленная перед войсками задача выполнена, «все Курильские острова, от Шумшу до Урупа, освобождены от японских оккупантов и возвращены нашей Родине».

С разгромом и пленением Квантунской армии, а также изоляцией японских войск в Северном Китае Япония по существу осталась без сухопутной армии. Не располагая необходимыми силами для обороны метрополии и потеряв свои основные базы снабжения – Маньчжурию и Корею, правительство Японии было вынуждено капитулировать, и 2 сентября 1945 г. в Токийском заливе, на борту американского линкора «Миссури», состоялось подписание Акта о капитуляции Японии, ознаменовавшее окончание Второй мировой войны. От имени Советского Союза Акт подписал генерал-лейтенант К.Н. Деревянко, представитель главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке, в присутствии главнокомандующего американскими войсками на Тихоокеанском театре военных действий.

При этом весьма показательно, что генерал Деревянко в соответствии с директивой Ставки ВГК от 15 августа подчинялся непосредственно маршалу Василевскому и без его особого разрешения не имел права подписывать никаких документов о капитуляции японских войск и давать от себя никаких обязательств.

3 сентября А.М. Василевский сообщил И.В. Сталину: «Советские войска на Дальнем Востоке в составе Забайкальского фронта, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов и Тихоокеанского флота, начав наступление 9 августа 1945 г., к 1 сентября 1945 г. выполнили поставленные Вами боевые задачи и заняли: полностью Маньчжурию, Ляодунский и Квантунский п-ова, Сев. Корею до 38-го градуса сев. широты, южную часть о. Сахалин и все Курильские о-ва. В основном уже закончено разоружение и сдача в плен Квантунской армии. На 1.09.45 г. сложило оружие 573 984 солдата и офицера японской армии, в том числе 110 генералов, захвачено 861 самолет, 372 танка, 1434 орудия, 379 паровозов, 9129 вагонов, много складов с продовольствием, военным снаряжением и обмундированием...» [26]. После окончательного подсчета эти цифры оказались еще большими.

С разрешения Ставки Александр Михайлович совершил поездку по освобожденной Маньчжурии. 3 сентября он вместе с группой военачальников прибыл в Харбин, где осмотрел захваченные трофеи, в числе которых были дальнобойные пушки, предназначавшиеся для обстрела Владивостока, Хабаровска, Благовещенска и других советских городов. В Харбине Василевский обратил внимание на громадный, в виде усеченной пирамиды, памятник. Он поинтересовался, в честь какого события воздвигнут этот памятник. Генерал А.П. Белобородов объяснил, что памятник японский и поставлен в память солдат и офицеров Квантунской армии, погибших при завоевании Маньчжурии. Афанасий Павлантьевич отметил при этом, что городские власти просили снести его. Подумав, Василевский сказал:

– Не надо этого делать. Мы освободили Маньчжурию, а сносить или не сносить чужие памятники – это уже не наше дело. Пусть городские власти сами решают и сами выполняют свое решение.

5 августа он вылетел в Чанчунь, затем побывал в Мукдене, Даляне (Дальнем), Порт-Артуре, в других населенных пунктах. Везде он внимательно следил

за ходом капитуляции японских войск. Дело это было непростым, разоружать пришлось колоссальную по численности армию, оснащенную большим количеством боевой техники, боеприпасов, обмундирования, продовольствия. Но и эта задача была успешно решена. Днем полной капитуляции и пленения Квантунской армии стал день 10 сентября.

Разгромом Квантунской армии в результате грандиозной стратегической операции, блестящей и по замыслу и по осуществлению, завершилась яркая страница боевого пути маршала Василевского, ставшая вершиной его полководческого искусства.

Военно-политическим итогом операции был полный разгром и капитуляция японских войск в Маньчжурии, Северной Корее, на Сахалине и Курильских островах: общие потери противника составили 83,7 тыс. человек убитыми и 640,1 тыс. пленными (при этом безвозвратные потери наших войск составили 12,1 тыс. человек). Была разоружена и распущена почти 200-тысячная армия Маньчжоу-Го. Избежали пленения лишь войска 17-го фронта, отошедшие за 38-ю параллель в районе Кореи. Советскими войсками была захвачена большая часть боевой техники и материальных запасов японских войск. От японских захватчиков была освобождена территория площадью более 1,3 млн кв. км с населением свыше 40 млн человек. Агрессоры лишились своих основных военно-экономических арсеналов на азиатском континенте – Маньчжурии и Кореи. Разгромив главную ударную группировку японских сухопутных сил – Квантунскую армию, советские войска предопределили военный крах Японии. Ни в одной из предшествовавших операций Второй мировой войны японская армия, считавшаяся одной из сильнейших армий мира, не терпела такого поражения. Советские войска, вырвав у Японии основное средство для дальнейшего ведения войны, ее вооруженную опору, сделали невозможным сопротивление Японии во всех других регионах и заставили ее принять требования о безоговорочной капитуляции.

Военной победы столь большого масштаба, достигнутой в такой короткий срок, история еще не знала.

Японской Квантунской армии в определенной степени «повезло», в разное время ее войска смогли познакомиться с военным искусством двух наших замечательных полководцев: Г.К. Жукова – в 1939 г. и через шесть лет – А.М. Василевского. Операции, проведенные ими на Дальнем Востоке, не сравнимы по масштабам, на несколько порядков отличаются они друг от друга по пространственному размаху, количеству привлекаемых сил и средств, несопоставимы также и их военно-политические итоги, но тем не менее между ними много общего. Обе эти операции отличались решительностью целей и смелостью замысла, в основу которого было положено окружение противостоящей группировки противника.

...Успехи советских войск в Маньчжурской операции во многом были обусловлены организаторскими способностями, полководческим талантом маршала А.М. Василевского, глубиной и масштабностью его мышления, умением проникать в суть обстановки и направлять усилия подчиненных на решение боевых задач в наиболее приемлемом и эффективном варианте; способностью не только умело ориентироваться в сложной обстановке и принимать творчески смелые решения, но и с исключительной настойчивостью проводить их в жизнь.

А.М. Василевский на Дальнем Востоке вновь с честью выдержал сложнейший экзамен на полководческую зрелость и по праву занял место в ряду виднейших русских полководцев и военачальников. За умелое руководство войсками в ходе операции Александр Михайлович второй раз был награжден «Золотой Звездой» Героя Советского Союза.

А.Н. Пономарев

А.М. Василевский – И.В. Сталин

...Они познакомились буквально за сутки перед новым, 1940 г., в самый разгар Советско-финляндской войны. Начальник Генштаба Б.М. Шапошников, вызванный к И.В. Сталину, явился к нему вместе с заместителем начальника Оперативного управления Генштаба комбригом А.М. Василевским. Оба они участвовали в состоявшихся затем заседаниях Высшего военного совета, решавшего вопросы дальнейшего продолжения неудачно складывавшейся для нас военной кампании.

«Б.М. Шапошникову я обязан, – писал позднее Александр Михайлович, – и вниманием к моей персоне, которое иногда уделял мне Сталин». В подтверждение он приводил следующие факты:

«Зимой 1940 г., после одного довольно затянувшегося заседания Политбюро ЦК ВКП(б), И.В. Сталин пригласил всех его участников отобедать у него на квартире... в Кремле. На заседании по докладу начальника Генерального штаба был принят ряд оперативных и довольно срочных решений. Б.М. Шапошников дал мне указание немедленно отправиться в Генштаб, отдать там все распоряжения, связанные с этими решениями. Минут через 45 после того как я прибыл в Генштаб, мне позвонил А.Н. Поскребышев и сообщил, что меня ждут в Кремле к обеду. Быстро закончив дела, я через несколько минут уже сидел рядом с Борисом Михайловичем за обеденным столом.

Один из очередных тостов И.В. Сталин предложил за мое здоровье, и вслед за этим он задал мне неожиданный вопрос: почему по окончании семинарии "я не пошел в попы"? Я, несколько смутившись, ответил, что ни я, ни отец не имели такого желания, что ни один из его четырех сыновей не стал священником. На это Сталин, улыбаясь в усы, заметил:

– Так, так. Вы не имели такого желания. Понятно. А вот мы с Микояном хотели пойти в попы, но нас почему-то не взяли. Почему, не поймем до сих пор.

Беседа на этом не кончилась.

– Скажите, пожалуйста, – продолжил он, – почему вы, да и ваши братья, совершенно не помогаете материально отцу? Насколько мне известно, один ваш брат – врач, другой – агроном, третий – командир, летчик и обеспеченный человек. Я думаю, что все вы могли бы помогать родителям, тогда бы старик не сейчас, а давным-давно бросил бы свою церковь. Она была нужна ему, чтобы как-то существовать.

Я ответил, что с 1926 г. порвал всякую связь с родителями. И если бы я поступил иначе, то, по-видимому, не только не состоял бы в рядах нашей партии,